

Е. Г. Луговская, Е. К. Грудина

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД:
ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО
«НЕМОЙ ПРОРОК»**

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Приднестровье*

Аннотация. В статье исследуется лингвориторическая модель критического метода Д. С. Мережковского, реализованная в сборнике «В тихом омуте». На материале статьи «Немой пророк» анализируется языковая репрезентация личности В. С. Соловьева. Показано, что критик использует бинарную оппозицию «философ-созерцатель» / «человек-деятель» для конструирования образа В. С. Соловьева как фигуры недостигнутого синтеза между мистической созерцательностью и деятельностным императивом эпохи. Доказывается, что специфика риторического метода Д. С. Мережковского символически обозначена им в названии сборника, а ключевую роль в реализации герменевтической стратегии представления портрета философа играет трансформация фразеологизма «обратная сторона медали», функционирующего как эпистемологическая метафора для репрезентации невидимой стороны личности В. С. Соловьева. Выявлены лексико-семантические поля (методика выявления адаптирована по [24]), реализующие концепты «двойственности» и «скрытости», описан риторический инструментарий критического дискурса (оксюморон, катахреза, апоретические вопросы, символическая деталь, модальность неопределенности), создающий эффект семантического напряжения, блокирующий плоскостную интерпретацию и вовлекающий читателя в активный процесс конструирования смысла. Критический метод Д. С. Мережковского осознается как экзистенциальное портретирование, которое предстает как метод деканонизации официальных образов через симптоматическое чтение биографических деталей и философскую интерпретацию частных фактов как манифестации универсальных экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: *экзистенциальное портретирование, топология критического, лексико-семантическое поле, лингвориторический анализ, концептуальная структура, риторическая стратегия, созерцание и деяние, В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский*

E. G. Lugovskaya, E. K. Grudina

**EXISTENTIAL PORTRAITURE AS A CRITICAL METHOD:
LINGUORHETORICAL ANALYSIS OF D.S. MEREZHKOVSKY'S ESSAY
"THE SILENT PROPHET"**

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie

Abstract. This article investigates the linguorhetorical model of the critical method employed by D.S. Merezhkovsky as realized in the collection "In Still Waters". Drawing upon the essay "The Silent Prophet", the study analyses the linguistic representation of V.S. Solovyov's personality. The article demonstrates that the critic uses a binary opposition "philosopher-contemplator" / "man-of-action" to construct the image of V.S. Solovyov as a figure representing an unattained synthesis between mystical contemplation and the active imperative of the era. The analysis establishes that the specificity of D.S. Merezhkovsky's rhetorical method is symbolically marked in the title of the collection, whilst the transformation of the phraseological unit "the reverse side of the coin" plays a crucial role in the hermeneutical strategy of Solovyov's portrayal, functioning as an epistemological metaphor for representing the invisible dimension of the philosopher's personality. The article identifies lexical-semantic fields structuring the concepts

of “duality” and “hiddenness”, and describes the rhetorical apparatus of critical discourse (oxymoron, cat-achresis, aporetic questions, symbolic detail, modality of indefiniteness), which generates an effect of semantic tension, blocking two-dimensional interpretation and engaging the reader in an active process of meaning-construction. D. S. Merezkhovskiy’s critical method is perceived as existential portraiture – a method of decanonizing official representations through symptomatic reading of biographical details and philosophical interpretation of particular facts as manifestations of universal existential concerns.

Keywords: *existential portraiture, topology of the critical, lexical-semantic field, linguorhetorical analysis, conceptual structure, rhetorical strategy, contemplation and action, V. S. Solovyov, D. S. Merezkhovskiy*

Введение. Исследователи критического творчества Д. С. Мережковского (см. например, [2], [5], [18], [25]), анализируя произведения разных лет, указывают на признаки идейной и творческой эволюции писателя. Так, А. А. Журавлева предлагает выделять следующие периоды: период зарождения и становления критической концепции русской классики Мережковского (1888–1895 гг.); «неохристианский», период прочтения классики как переход от искусства к религии (1896 г. – начало XX в.); новый виток исканий Мережковского, переживающего переход от созерцательности к действию (1900–1930-е гг.) [5].

Статья «Немой пророк» (1908) из сборника «В тихом омуте» (1896–1915 гг.), как и статья «Мистические хулиганы» (1908), в которой упоминается непосредственно *омут*, вынесенный в заголовок сборника, могут быть отнесены к периоду «психологической» критики, которая стремилась не к «отражению «красоты искусства», не к совместному поиску ответов на вечные вопросы, а к доминированию авторского «Я», «поиску своего в чужом», навязыванию собственных взглядов и «спутнику», и читателю [5].

Язык Д. С. Мережковского-критика представляет собой особый интерес в силу его редкой лингвистической плотности и философской насыщенности, когда каждый риторический прием становится не просто украшением, но инструментом герменевтического проникновения не столько в творчество выбранного им для критического осмысления автора, сколько в тайны его души. Как отмечает Н. Г. Коптелова, «в процессе своей критической деятельности русского периода Мережковский использовал многие индивидуально-авторские категории <...> «духовное раздвоение», «юродство», «чувство», «сознание», «ясновидение», «эстетическое созерцание», «пророческое действие», «молчание» и др. [8, с. 184].

Д. С. Мережковский предлагает новый тип критики: «Кроме научной критики, у которой есть пределы ... есть критика субъективная, психологическая, неисчерпаемая, беспредельная по существу своему, как сама жизнь, ибо каждый век, каждое поколение требует объяснения великих писателей прошлого в своем свете, в своем духе, под своим углом зрения» [15, с. 6]. Задачу такого критика автор видит в том, чтобы «найти неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом» [15, с. 6].

Образы русских писателей и философов в сборнике «В тихом омуте», в частности образ В. С. Соловьева, предстают не просто портретными зарисовками, но сложными концептуальными структурами, где личность выступает как амбивалентная конфигурация несовместимых экзистенциальных модусов. И если «литературно-критические статьи Мережковского, созданные в 1893–1894 гг., разноплановы в жанровом отношении и демонстрируют его эволюцию как литературного критика, расширение сферы его философских, религиозных и литературоведческих интересов» [18, с. 239], то «символический тезаурус Мережковского в 1900–1910-е гг. пополняется новыми концептами, содержание которых экзистенциально» [7, с. 10–11].

Целью настоящего исследования является реконструкция структуры экзистенциального портрета В. С. Соловьева в статье «Немой пророк» сборника Д. С. Мережковского «В тихом омуте». Для этого изучается топология (топологическое пространство) критического

текста как специфически организованная совокупность ее элементов, порождаемых определенной смысловой базой [11], и рассматриваются языковые механизмы генерации смысловых баз явленности / сокрытости и деятельности / созерцательности, заданных критическим текстом, на основании анализа концептуально организованных лексических полей концептов «философ-созерцатель» и «человек-деятель».

Под экзистенциальным портретированием в данной работе понимается метод критического анализа, направленный на реконструкцию внутренней конфигурации экзистенциальных противоречий личности через симптоматическое чтение биографических деталей и философскую интерпретацию частных фактов.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления методологии критического портретирования в модернизме, которая, несмотря на значительное количество работ о Д. С. Мережковском, остается недостаточно изученной с позиций лингвориторического анализа. Текст «Немого пророка» демонстрирует сложную архитектуру критического дискурса, где формальные приемы (риторические фигуры, синтаксические конструкции, фразеологические трансформации) становятся не просто украшением, но основными генераторами смысла. Исследование критического метода Д. С. Мережковского значимо для понимания не только эволюции русской литературной критики рубежа веков и ее отношения к проблеме аутентичности личности творца в контексте духовного кризиса эпохи, но и имманентного состояния вербализуемой критиком действительности.

Владимир Сергеевич Соловьев представляет собой уникальный феномен в системе русской культуры рубежа XIX–XX вв. Метадискурс литературоведения транслирует его образ как образ «великого учителя», определившего духовные траектории целого поколения символистов ([2], [4]), и одновременно с этим закрепляет парадоксальную двойственность соловьевского феномена, маркируя ее через лексемы неопределенности и раздвоения: «еще не разгаданный и двоящийся перед нами» [4, с. 103], «сколько было в облике Соловьева неверного и двойственного!» – Цит. по: [17, с. 261], «человек небесного и земного происхождения» [16, с. 522]. Эту незавершенность синтеза фиксирует В. В. Зеньковский: «Словесно Соловьеву удается всюду сводить концы с концами, но реальный синтез ему не удается» [6, с. 505–507]. В этом контексте критическая рецепция образа В. С. Соловьева Д. С. Мережковским вызывает особый интерес. Критик трансформирует разрыв между теорией и практикой в философии Владимира Сергеевича в риторическую стратегию – лингвориторический анализ текста позволяет предложить оригинальную интерпретативную модель образа философа, в основание которой положена бинарная оппозиция «созерцание» / «деяние» как концептуальная пара, актуализированная в общественном дискурсе начала XX в. в контексте идеологических дискуссий о революции и реформации: «Литература первой половины XX в. – отражение и познание новой цивилизации, первого кризиса реальности, когда человек, отрицая бытие, строит другой образ мира» [19, с. 68].

Материал и методы исследования. Исследование выполнено на материале статьи Д. С. Мережковского «Немой пророк» из сборника «В тихом омуте» (1908) [14] с использованием комплекса взаимодополняющих методов: концептуального анализа, анализа концептуально организованных лексических полей (методика выявления адаптирована по [24] для литературно-критического текста), риторического и герменевтического анализов. Актуальные текстологические исследования наследия В. С. Соловьева подтверждают продуктивность герменевтического подхода к публицистике рубежа веков [Ср.: 13], а применение комплексного методологического инструментария позволяет выявить многоуровневую структуру критического текста, где содержательные смыслы неотделимы от их языковой репрезентации.

Результаты исследования и их обсуждение.

Метафора «омута» как герменевтический код: от паремиологической семантики к топологии критического.

Название сборника «В тихом омуте» реализовано и функционирует как редуцированная форма поговорки «*в тихом омуте черти водятся*», которая в системе народного сознания маркирует несоответствие между внешней спокойной поверхностью и скрытой глубиной, таящей опасность или тайну. Д. С. Мережковский использует эту паремию как структурирующий принцип всей дискурсивной организации сборника, генерируя эффект обманутого ожидания: читатель, настроенный на литературную критику, вместо критического разбора литературного творчества получает экзистенциальное портретирование самих литераторов.

В этом контексте особое внимание необходимо обратить на семантику лексемы «омут». Согласно словарю Д. Н. Ушакова, *омут* имеет два основных значения: (1) «водоворот на реке, образуемый встречным течением»; (2) «глубокая яма на дне реки или озера» [21, с. 405]. В тексте сборника сама эта лексема встречается только один раз в очерке «Мистические хулиганы», непосредственно после которого следует анализируемая статья о В. С. Соловьеве. Вот это упоминание: «*Рано или поздно эти два противоположные течения встретятся и сольются в одном бездонном омуте*» [14, с. 113] – как видим, Д. С. Мережковский синтезирует оба компонента семантической структуры интересующей нас лексемы, интерпретируя *омут* как пространство слияния противоположных течений. И в данном случае не столь важно, какие именно течения, по мнению критика, сольются, важно только то, что они суть антиномичны и что, несмотря на это (или даже благодаря этому), их соединение прогнозируется критиком в *омуте*.

В статье о В. С. Соловьеве критиком обозначены иные, нежели в «Мистических хулиганах», потоки – «*гностицизм и прагматизм, созерцательность и действительность – два вечно сталкивающиеся и борющиеся потока религиозной стихии*», которые также «*в последнем пределе религиозное созерцание и религиозное действие сливаются в одно...*» [14, с. 123].

По наблюдению О. А. Ханзен-Леве, «в ранней лирике Мережковского раздвоенность или двойственная природа всех феноменов иногда получает положительную оценку – как выражение соединения противоположностей (предвосхищение мистического *coincidentia oppositorum*), а иногда – отрицательную, – как стирание границ между различными феноменами, функциями и качествами» [23, с. 49]; один и тот же комплекс символов может одновременно или попеременно считаться позитивным и негативным, что создает динамичную ситуацию нерешительности, неспособности к действию и тотальной изоляции [23, с. 80]; «"мир иной" для Мережковского (и в целом для диаволики) познаваем и выразим лишь в категориях отрицания и инакости», «идентичность и самость диаволиста определяются лишь как отрицание отрицания, как инобытие иного – как недостижимый, или неудавшийся синтез» [23, с. 74]. Современные исследования продолжают фиксировать двойственность соловьевского наследия в литературной рецепции ([1], [9], [20]). Для нас же критически важно, что в такой конструкции ключевой операцией становится не механистическое соединение или нейтрализация различий, но порождение нового качества через динамическое взаимодействие антиномий. Так и глагол *сольются* указывает на преодоление исходной дихотомии и предсказывает синтез противоположностей, причем этот синтез не является синтезом *a priori*, а представляет собой результат во всех смыслах сложного процесса: «*до этого слияния предстоит им исчерпать все мыслимые противоречия*» [14, с. 123].

Семантика глагола *исчерпать* имплицитно подразумевает полноту проживания раздвоения, тотальность прохождения через внутренний конфликт. В таком понимании *омут* символизирует необходимое условие духовного преображения, тогда *черти* как скрытые (неназванные,

непроявленные словом) демонические силы (в значении греческого *daimon* как внутренней движущей энергии) оказываются отнюдь не негативным, но продуктивным началом, своеобразными двигателями внутреннего развития.

Таким образом, трансформированная Д. С. Мережковским паремиологическая семантика *в тихом омуте черти водятся* может быть рассмотрена как база топологии критического, заданной на пространстве текста сборника «В тихом омуте», а смысловые базы явленности / сокрытости и деятельностьности / созерцательности – как предбазы, конечные пересечения элементов которых образуют базу топологии критического.

Предбаза явленности / сокрытости и трансформация фразеологизма «обратная сторона медали»: от конвенциональной семантики к эпистемологической метафоре.

Особого внимания в контексте лингвориторического анализа критической статьи о В. С. Соловьеве заслуживает трансформация Д. С. Мережковским фразеологической единицы «обратная сторона медали». Согласно словарю Д. Н. Ушакова, данный фразеологизм имеет конвенциональную семантику «другая, а именно *плохая*, сторона какого-н. дела» (акцент на оценочности) [21, с. 403]. Однако Мережковский трансформирует семантику идиомы, смещая акцент с оценочного компонента на эпистемологический: «Чтобы дать выпуклый образ, надо обойти предмет, обнять его взглядом, увидеть обратную сторону медали. Лицевую сторону соловьевской медали видят все, обратную – никто» [14, с. 116]. Трансформация фразеологизма опирается на предшествующее варьирование однокоренных лексем: «лицо», «безличный», «лицевой». Противопоставление «живого лица» (подлинной личности) «безличному совершенству» (панегирическому образу) подготавливает метафорический переход к «медали» как объекту с двумя сторонами – таким образом семантическое поле «лица» (видимость / сущность) становится основой для эпистемологической метафоры. В результате трансформация фразеологической единицы здесь выполняет функцию генерации имплицитного смысла, при этом Д. С. Мережковский элиминирует негативную коннотацию, сохраняя семантические компоненты «невидимости» и «дополнительности». *Обратная сторона медали* интерпретируется не как «худшая», но как *иная*, требующая перемещения наблюдателя из позиции фронтального восприятия в позицию объемного охвата, когда значима не сама деталь (сторона), но фон, на котором она была выделена.

В такой перспективе медаль предстает *трехмерным* объектом, обладающим двумя плоскими поверхностями и объединяющей их толщиной (ребром) – неустойчивым пограничным пространством, где еще не определено направление выбора между противоположными полюсами. Именно это промежуточное пространство становится локусом артикуляции концепта «двойственности»: В. С. Соловьев в дискурсе Мережковского предстает не как плоскостной портрет, но как объемный, пространственный субъект, в котором обе стороны одновременно присутствуют и взаимно конституируют друг друга.

Такая образная структура в дальнейшем развертывании портрета подтверждается серией оксюморонно-катахрестических сопоставлений, выступающих элементами предбазы явленности / сокрытости и деятельностьности / созерцательности.

Критик выбирает предельно контрастные фигуры: Иоанн Предтеча (аскетический провозвестник Христа) – Мармеладов (жалкий пьяница из романа Ф. М. Достоевского): «Предтеча и Мармеладов, пророк и шут. Как соединить или разъединить эти два лица?» [14, с. 120]. Невозможность ни рационального синтеза, ни аналитического расщепления, выраженная в форме риторического вопроса «Как соединить или разъединить?», фиксирует апорию, указывая на парадоксальную природу описываемого субъекта (рисованного портрета) В. С. Соловьева.

Парадоксальность актуализируется через систему антитетических пар, создающих семантическое напряжение: *пророк – шут, предтеча – Мармеладов, христианская святость –*

донкихотство, небесное – земное. «В этом же лице [...] черты Франциска Ассизского или Сергия Радонежского, образ рыцаря, который с лица стальной решетки ни перед кем не подымал, писателя, который скрывается за своими произведениями и его христианскую святость, смахивающую на донкихотство» [14, с. 120]. Конструкция «святость, смахивающая на донкихотство» представляет собой катахрезу, т. к. в данном контексте терминологический аппарат религиозного дискурса («святость») замещается секулярным литературным концептом («донкихотство»), но фиксирует не логическое противоречие (как в оксюмороне), а семантическое смещение, сакрализирующее литературный образ через соотнесение с религиозной категорией и расширяющее границы понятия «святости». Такая интерпретация отражает специфику восприятия донкихотства в русском культурном контексте рубежа веков – не столько как комического недостатка, сколько как формы юродства – бескорыстного, оторванного от реальности служения идеалу (Ср.: [3], [22]).

Использование этих приемов обеспечивает реализацию ключевой риторической стратегии критического дискурса Мережковского: не последовательное перечисление альтернативных характеристик портрета, но симультанное наложение несовместимых образов, создающее эффект семантической интерференции.

Концепт скрытости (тайности) реализуется через семантическое поле тайны, маски, невидимого: *скрывается за произведениями, стальная решетка на лице, подполье и чертовщина, невидимая сторона медали, то, что не показывают публично*. Критик эксплицирует эту неявленность через антитезу внешней текстовой упорядоченности и внутренней биографической хаотичности. Визуализация первого полюса достигается с помощью катахресического сдвига: «В произведениях все стройно, ясно, гладко, даже слишком гладко, выглажено, выложено» [14, с. 118]. Семантическое накопление синонимичных адъективов с семой 'гладкость' (*стройно, ясно, гладко, выглажено, выложено*) создает эффект избыточности, в результате чего положительная форма слова замещается отрицательной оценкой содержания, в синонимическом ряду возникает эффект катахрезы – семантическое смещение, маркирующее искусственность, неаутентичность публичного образа В. С. Соловьева, когда его подлинная личность словно остается за пределами текстового пространства его философских произведений.

Концептуально организованные лексические поля «философ-созерцатель» и «человек-деятель».

Ключевыми элементами базы (*омута*) топологии критического и узловыми компонентами модели портрета В. С. Соловьева в «Немом пророке» выступают концепты *философ-созерцатель* и *человек-деятель*. Для описания концептуальной архитектуры портрета нами используется понятие концептуально организованного лексического поля. В дальнейшем для краткости мы будем использовать устоявшийся термин *лексико-семантическое поле* концепта (далее – ЛСП), подразумевая указанную модификацию (методика адаптирована по [24] для нехудожественного текста).

ЛСП «*философ-созерцатель*» представлено лексемами и словосочетаниями, актуализирующими концепт «скрытости»: *созерцание* (философское, мистическое), *погруженность в идеальное, безумная влюбленность в прошлое* (как уже недоступное), *розовый башмачок* (символ фиксации на невозвратимом), *подполье, тайна, внутренний мир, недоступный внешнему наблюдению*.

Эпизод с розовым башмачком ребенка Софьи Петровны Хитрово, к которой философ питал платоническое чувство: «Ни на миг не расставаясь с ним, Соловьев проявлял безумную влюбленность в прошлое» [14, с. 121], представляет этот вполне прозаический предмет как артефакт, который становится символическим медиатором созерцательного отношения к бытию. Происходит замещение действенного участия в настоящем фиксацией на застывшем образе прошлого, замещение реального взаимодействия мистическим переживанием символа, *бесплотный символ вместо реального воплощения*.

Противопоставляя концепту «*философ-созерцатель*» концепту «*человек-деятель*», Д. С. Мережковский снова использует катахресическую формализацию: «*Стихия революционная чужда ему навеки и безнадежно, если не как человеку-деятелю, то как философу-созерцателю*» [14, с. 122].

Синтаксическая конструкция «*если не... то*» требует трансформационного анализа.

Восстановим логические посылки: Стихия революции чужда Соловьеву – универсальное суждение. ≈ Как человеку-деятелю Соловьеву чужда революционная стихия. ≈ Как философу-созерцателю Соловьеву чужда революционная стихия. ≡ Стихия революции чужда Соловьеву даже как человеку-деятелю – не то что как философу-созерцателю.

Конструкция имплицитно, что созерцательная ипостась является доминантной, определяющей сущностную природу Соловьева, тогда как деятельная – вторичной, навязанной и в каком-то смысле ненастоящей, неестественной (потому что как человеку-деятелю может быть чужда революционная стихия? – это и есть катахресическая формализация).

Неестественность образа В. С. Соловьева возникает на пересечении смыслов внешней роли активного преобразователя и внутренней интенции созерцательного погружения в идеальное. К полю концепта *человек-деятель* отнесем лексемы *реформатор, общественная активность, философская система* (как организационно-воздействующая структура), *гладкость и вылощенность произведений* (как маска), *видимая сторона*. ЛСП «*человека-деятели*», таким образом, обнаруживает, что для В. С. Соловьева деятельность оказывается только ролью, маской, за которой скрывается истинное лицо созерцателя.

Но не настолько все просто – именно на этом моменте возникает семантическая амбивалентность, требующая уточнения. *Розовый башимачок* как материальный артефакт, предметно-реальная вещь функционирует не только как символ созерцания, но и как точка возвращения в реальность из созерцания – к живому человеческому чувствованию, от размышления к жизни, к деятельностному модусу существования. Эта двойная функциональность артефакта маркирует сложность экзистенциальной конфигурации образа В. С. Соловьева и указывает на неустойчивое пограничное состояние ребра медали «немой пророк».

Риторический инструментарий критического дискурса Д. С. Мережковского.

На лингвориторическом уровне можно выявить систему приемов, направленных на генерацию семантической неоднозначности и амбивалентности.

Во-первых, использование антитезы как текстообразующего структурного принципа: противопоставление «гладкости» философских текстов и «чертовщины» скрытого подполья, «стройности» системы и «жуткости» смеха – антитеза маркирует разрыв между поверхностью и глубиной, между явленным и латентным. При этом портрет остается объемной структурой, не плоскостным изображением философа и учителя.

Во-вторых, оксюморонные сочетания и катахреза (*Предтеча и Мармеладов, пророк и шут, святость, смахивающая на донкихотство*), проанализированные выше, создают семантическое напряжение, блокируя возможность однозначной категоризации объекта.

В-третьих, апоретические вопросы: «*Как соединить или разъединить эти два лица?*» – риторический вопрос, не предполагающий ответа, но фиксирующий апорию, невозможность рационального разрешения, которые, не предлагая готового решения, приглашают читателя к совместному размышлению и тем самым маркируют эпистемологические границы дискурса.

Катахресическое как сознательно «неправильное» употребление слова, создающее семантическое несоответствие без полного логического противоречия (в отличие от оксюморона), за счет переноса значения из одной концептуальной сферы в другую, в критическом дискурсе Д. С. Мережковского представляет собой гибридную фигуру, где доминирует логос (через аналитическую функцию), но присутствует и этос (через демонстрацию риторического мастерства).

Оксюморон, в свою очередь, – это прежде всего инструмент пафоса (через парадоксальность и эффект обманутого ожидания), как и апоретические построения, используемые для имплицитной аргументации и эмоционального воздействия на читателя. Однако форма апоретического вопроса как псевдovoпроса, содержащего скрытый тезис, реализует логос, как и прием антитезы, а оксюморон и катахреза выступают маркерами уникальности авторской позиции (этос). Модальность неопределенности как маркер эпистемической скромности (этос) влияет на содержательную репрезентацию антитетических построений (пафос), рождая еле узнаваемую иронию: риторический пафос усиливается систематическим использованием модальных слов: *кажется, по-видимому, что-то, какое-то* – эта модальность создает атмосферу тайны, маркируя эпистемологическую недостижимость полного знания о В. С. Соловьеве.

И в-четвертых, использование Д. С. Мережковским символической детали: *розовый башмачок, стальная решетка на лице рыцаря, жуткий смех* – эти образы функционируют как полисемантические символы, концентрирующие смыслы, невыразимые дискурсивно. Все эти смыслы генерируют поле ассоциаций, внутри которого формируется этос и пафос критического очерка о В. С. Соловьеве, но сам объект описания и узнавания все равно не поддается целостной концептуализации.

Экзистенциальное портретирование как критический метод: герменевтические операции.

Критический метод Д. С. Мережковского в статье «Немой пророк» можно охарактеризовать как **экзистенциальное портретирование** – своеобразный синтез биографизма, психологической интерпретации и философской герменевтики, когда критика не ограничивается описанием внешних фактов жизни, но и не претендует на систематическую экспликацию философии предмета описания. Объектом портретирования у Д. С. Мережковского выступает экзистенциальная конфигурация личности, эксплицирующая способ, каким человек существует в мире, разрешая или не разрешая фундаментальные противоречия своего бытия.

Обозначим основные герменевтические операции критического метода Д. С. Мережковского

1. Деканонизация – элиминация официального образа, созданного последователями. Отказ принимать «благоговейные панегирики» как адекватную репрезентацию личности.

2. Симптоматическое чтение – выявление в биографических деталях (*смех, башмачок, манера*) симптомов глубинного конфликта. Данный метод, восходящий к практике «симптомального чтения» (lecture symptomale) Ж. Альтюссера и П. Машере [Ср.: 10], позволяет обнаружить в тексте то, что автор не говорит явно, но что проявляется через «симптомы» – повторяющиеся образы, риторические сбои, семантические напряжения.

3. Концептуальное структурирование – организация материала вокруг бинарных оппозиций (созерцатель / деятель, скрытое / явное), функционирующих как концептуальные оси.

4. Философская интерпретация – возведение частных фактов к универсальным экзистенциальным проблемам (созерцание / действие, аутентичность существования, трагедия невысказанного).

Как видим, содержательно герменевтические операции коррелируют с выделенными смысловыми базами в топологии критического Д. С. Мережковского – портрет В. С. Соловьева не реконструкция, но *интерпретация*, обусловленная собственными философско-религиозными исканиями критика. Таким образом, категория экзистенциального выбора, актуализированная в литературе рубежа веков, становится ключом к пониманию текстов эпохи различной жанровой природы – герменевтический анализ позволяет выявлять проявления этой категории как в художественной прозе, так и в критической публицистике [Ср.: 12].

Выводы. Анализ статьи Д. С. Мережковского «Немой пророк» демонстрирует, что экзистенциальное портретирование В. С. Соловьева организовано топологией критического как особым образом организованной совокупностью элементов, порождаемых смысловой базой *омута*.

Омут выступает как сложная семантическая система, структурированная через взаимодействие разноуровневых концептов «двойственности» и «скрытости», которые реализуются посредством двух концептуально организованных лексических полей – «*философ-созерцатель*» (связанного с латентной, тайной стороной личности) и «*человек-деятель*» (связанного с публичным, неаутентичным образом).

Д. С. Мережковский в критическом дискурсе «Немого пророка» развивает эту интуицию, конструируя образ философа как воплощение фундаментального противоречия между созерцательной природой и деятельностным императивом эпохи – «немота» пророка возникает не от отсутствия слов, но от невозможности быть услышанным, от расщепления собственного существования между идеальным миром созерцания и историческими требованиями действия.

Ключом к пониманию герменевтической стратегии Д. С. Мережковского и его критического метода служит трансформация фразеологизма «*обратная сторона медали*» и риторический инструментарий критика: оксюморон и катахреза, апоретический вопрос, антитеза, символическая деталь, модальность неопределенности – все это создает эффект семантического напряжения, блокирующий возможность однозначной (плоскостной) интерпретации и вовлекающий читателя в активный процесс конструирования смысла.

Таким образом, экзистенциальное портретирование как критический метод направлено на деканонизацию официальных образов через симптоматическое чтение биографических деталей как знаков глубинного конфликта и философскую интерпретацию частных фактов как манифестаций универсальных экзистенциальных проблем. Такая методология Д. С. Мережковского предвосхищает позднейшие герменевтические и психоаналитические подходы к анализу личности в литературе и становится прообразом критических практик, где язык и риторика рассматриваются как основные генераторы смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдейчик Л. Л. Образ Владимира Соловьева в русской литературе XX–XXI веков // Соловьевские исследования. – 2019. – № 2. – С. 39–52.
2. Александрова Т. А. Н. В. Гоголь в критической прозе Д. С. Мережковского : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Харьков, 2005. – 178 с.
3. Багно В. Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. – СПб. : Наука, 2009. – 228 с.
4. Блок А. А. Рыцарь-монах // О Владимире Соловьеве. Сборник первый. – М. : Путь, 1911. – С. 103–115.
5. Журавлева А. А. Эволюция литературно-критической концепции русской классики у Д. С. Мережковского : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Магнитогорск, 2009. – 176 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. – М. : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с. – (Summa).
7. Кабакова Е. Г. Динамика текстопорождения в критике Д. С. Мережковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.
8. Коптелова Н. Г. Категория «Молчания» в литературной критике Д. С. Мережковского 1900–1910 годов // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 1(27). – С. 184–189.
9. Кошемчук Т. А. Добро и зло в поэзии А. Фета и этический идеал В. Соловьева // Соловьевские исследования. – 2025. – Вып. 4(88). – С. 108–121.
10. Кугай А. И. Влияние психоанализа на формирование концепции «символического капитала» и «габитуса» Пьера Бурдьё [Электронный ресурс] // Publishing house «Sreda». – DOI 10.31483/r-105225. – URL : <https://phsreda.com/e-articles/10466/Action10466-105225.pdf> (дата обращения: 01.12.2025). – Содержит краткое изложение метода «симптомального чтения» Л. Альтюссера и П. Машере в контексте социологической теории П. Бурдьё.
11. Луговская Е. Г. Топология лирического в синергетике текста Н. Гумилева «Жираф» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 4(125). – С. 78–89. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.010.

12. *Луговская Е. Г., Грудина Е. К.* Проблема экзистенциального выбора как основание рецепции притчи о блудном сыне в рассказе Л. Андреева «В темную даль» // Вестник Приднестровского университета. – 2023. – № 1(79). – С. 27–35.
13. *Межуев Б. В.* К текстологии «Воскресных писем». Из неизданного и несобранного наследия Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. – 2025. – Вып. 4(88). – С. 6–28.
14. *Мережковский Д. С.* В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. – 496 с.
15. *Мережковский Д. С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – 902 с.
16. *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. / под общ. ред. А. Н. Николукина; сост. А. Н. Николукина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой; коммент. О. В. Быстровой. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. – 845 с.
17. *Мочульский К. В.* Владимир Соловьев: жизнь и учение. – Париж: YMCA-Press, 1951. – 268 с.
18. *Муртузалиева Е. А.* Литературно-критические работы Д. С. Мережковского 1893–1894 годов: жанр, типология, своеобразие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3-2(81). – С. 235–240.
19. *Рыбальченко Т. Л.* История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. – 1999. – № 268. – С. 68–73. – DOI 10.17223/15617793/268/11.
20. *Титаренко С. Д.* «Духи глаз»: визуальная природа образов-понятий в творчестве В. Соловьева и поэтов-символистов Вяч. Иванова и А. Блока // Соловьевские исследования. – 2025. – Вып. 4(88). – С. 166–183.
21. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – Т. 2: Л–Ояловеть. – 1040 стб.
22. *Тургенев И. С.* Гамлет и Дон-Кихот // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.; Л., 1978–1986. – Т. 4. – С. 330–345.
23. *Ханзен-Леве О. А.* Русский символизм: система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. – СПб.: Академический проект, 2003. – 512 с.
24. *Чурилина Л. Н.* Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира // Изменяющийся языковой мир: материалы междунар. науч. конф. – Пермь, 2001. – С. 103–105.
25. *Шабаршина В. В.* Свообразие литературной критики Д. С. Мережковского конца XIX начала XX веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2005. – 171 с.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025

REFERENCES

1. Avdejchik L. L. *Obraz Vladimira Solov'eva v russkoj literature XX–XXI vekov* // Solov'evskie issledovaniya. – 2019. – № 2. – S. 39–52.
2. Aleksandrova T. A. N. V. *Gogol' v kriticheskoj proze D. S. Merezhkovskogo*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. – Har'kov, 2005. – 178 s.
3. Bagno V. E. *«Don Kihot» v Rossii i russkoe donkihottstvo*. – SPb.: Nauka, 2009. – 228 s.
4. Blok A. A. *Rycar'-monah* // O Vladimire Solov'eve. Sbornik pervyj. – M.: Put', 1911. – S. 103–115.
5. Zhuravleva A. A. *Evoljucija literaturno-kriticheskoj koncepcii russkoj klassiki u D. S. Merezhkovskogo*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. – Magnitogorsk, 2009. – 176 s.
6. Zen'kovskij V. V. *Istoriya russkoj filosofii*. – M.: Akademicheskij Proekt, Raritet, 2001. – 880 s. – (Summa).
7. Kabakova E. G. *Dinamika tekstoporozhdeniya v kritike D. S. Merezhkovskogo*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. – Ekaterinburg, 2001. – 24 s.
8. Koptelova N. G. *Kategoriya «Molchaniya» v literaturnoj kritike D. S. Merezhkovskogo 1900–1910 godov* // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 1(27). – S. 184–189.
9. Koshemchuk T. A. *Dobro i zlo v poezii A. Feta i eticheskij ideal V. Solov'eva* // Solov'evskie issledovaniya. – 2025. – Vyp. 4(88). – S. 108–121.
10. Kugaj A. I. *Vliyanie psihoanaliza na formirovanie koncepcii «simvolicheskogo kapitala» i «gabitusa» P'era Burd'e* [Elektronnyj resurs] // Publishing house «Sreda». – DOI 10.31483/r-105225. – URL: <https://phsreda.com/e-articles/10466/Action10466-105225.pdf> (data obrashcheniya: 01.12.2025). – Soderzhit kratkoe izlozhenie metoda «simptomal'nogo chteniya» L. Al'tyussera i P. Mashere v kontekste sociologicheskoy teorii P. Burd'e.
11. *Luговская Е. Г.* Topologiya liricheskogo v sinergetike teksta N. Gumileva «Zhiraf» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 4(125). – S. 78–89. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.010.

12. Lugovskaya E. G., Grudina E. K. Problema ekzistencial'nogo vybora kak osnovanie recepcii pritchi o bludnom syne v rasskaze L. Andreeva «V temnyu dal'» // Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. – 2023. – № 1(79). – S. 27–35.
13. Mezhuiev B. V. K tekstologii «Voskresnyh pisem». Iz neizdannogo i nesobrannogo naslediya Vl. Solov'eva // Solov'evskie issledovaniya. – 2025. – Vyp. 4(88). – S. 6–28.
14. Merezchkovskij D. S. V tihom omute: stat'i i issledovaniya raznyh let. – M. : Sovetskij pisatel', 1991. – 496 s.
15. Merezchkovskij D. S. Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoj literatury. – SPb. : Nauka, 2007. – 902 s.
16. Merezchkovskij D. S. Sobranie sochinenij. Yudaizm. Stat'i i ocherki 1898–1901 gg. / pod obshch. red. A. N. Nikolyukina; sost. A. N. Nikolyukina, P. P. Apryshko, O. V. Bystrovoy; komment. O. V. Bystrovoy. – M. : Respublika ; SPb. : Rostok, 2009. – 845 s.
17. Mochul'skij K. V. Vladimir Solov'ev: zhizn' i uchenie. – Parizh : YMCA-Press, 1951. – 268 s.
18. Murtuzaliev E. A. Literaturno-kriticheskie raboty D. S. Merezchkovskogo 1893–1894 godov: zhanr, tipologiya, svoeobrazie // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 3-2(81). – S. 235–240.
19. Rybal'chenko T. L. Istoriya literatury XX veka kak istoriya literaturnyh techenij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 1999. – № 268. – S. 68–73. – DOI 10.17223/15617793/268/11.
20. Titarenko S. D. «Duhi glaz»: vizual'naya priroda obrazov-ponyatij v tvorchestve V. Solov'eva i poetov-simvolistov Vyach. Ivanova i A. Bloka // Solov'evskie issledovaniya. – 2025. – Vyp. 4(88). – S. 166–183.
21. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov; sost. V. V. Vино-gradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskij, D. N. Ushakov; pod red. D. N. Ushakova. – M. : Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1938. – T. 2 : L–Oyalovet'. – 1040 stb.
22. Turgenev I. S. Gamlet i Don-Kihot // Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. – M. ; L., 1978–1986. – T. 4. – S. 330–345.
23. Hanzen-Leve O. A. Russkij simvolizm: sistema poeticheskikh motivov. Rannij simvolizm / per. s nem. M. Yu. Nekrasova. – SPb. : Akademicheskij proekt, 2003. – 512 s.
24. Churilina L. N. Leksicheskaya struktura teksta kak klyuch k rekonstrukcii individual'noj kartiny mira // Izmenyayushchijysya yazykovoj mir: materialy mezhdunar. nauch. konf. – Perm', 2001. – S. 103–105.
25. Shabarshina V. V. Svoeobrazie literaturnoj kritiki D. S. Merezchkovskogo konca XIX nachala XX vekov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – M., 2005. – 171 s.

The article was contributed on December 22, 2025

Сведения об авторах

Луговская Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, <https://orcid.org/0000-0001-7348-2248>, lugowska@spsu.ru

Грудина Екатерина Константиновна – магистрант второго года обучения направления «Филология» Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, kateprudina352@mail.ru

Author Information

Lugovskaya, Elena Grigoryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology, T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, <https://orcid.org/0000-0001-7348-2248>, lugowska@spsu.ru

Grudina, Ekaterina Konstantinovna – Second-year Master's Student in Philology, T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, kateprudina352@mail.ru